УДК 330.0

ПРИРОДА ЭКОНОМИКИ СССР: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Е.А. Ерохина

Томский политехнический университет
E-mail: erohina_ea@mail.ru

В рамках системного анализа и концепций самоорганизации выделены два принципиально различающихся вида систем: открытые и закрытые. Исследована природа "закрытой" экономики, характерной для СССР. Согласно выводам концепций самоорганизации, для таких систем характерно равновесное состояние, вследствие чего такие системы могут существовать достаточно долго. Но постепенно в них нарастает энтропия, поскольку они не имеют возможности выводить энтропию в среду и получать из нее негэнтропийные воздействия, подобно открытым системам. В результате они обречены на разрушение. Показана неизбежность краха закрытых систем вообще и "закрытых" социально-экономических систем, в частности.

Вопрос о природе экономики СССР дискутируется до сих пор. Это отражается в разнообразии применяемых по отношению к ней названий: "социализм", "административно-командная система", "директивная экономика", "централизованно управляемая экономика", "соцолигархизм" и т.д. Большинство из указанных терминов отражает лишь одну из черт экономики этого времени, но не его природу. По нашему мнению, исследование сущности рассматриваемого периода может стать более плодотворным с привлечением в качестве его методологической основы системного анализа и, особенно, концепций самоорганизации (синергетики и теории изменений). С точки зрения концепций самоорганизации общая схема развития любой системы, включая национальную экономику, выглядит следующим образом. Открытые системы и их компоненты подвержены флуктуациям (колебаниям, изменениям). На эволюционном этапе развития происходит медленное нарастание флуктуаций и противоречий, а также частичное их разрешение. Накопление флуктуаций и противоречий подводит систему к порогу самоорганизации – точке бифуркации, в которой осуществляется выбор пути дальнейшего развития системы. Все многообразие путей развития, выбираемых в точке бифуркации, можно разделить на три типа: система может остаться открытой; она может стать закрытой; и, наконец, разрушиться. Переход на новую траекторию развития связан с ломкой существовавшей структуры системы и ее функционирования и зарождением новой структуры и механизма функционирования экономики. Затем описанный цикл повторяется.

В рамках системного анализа и концепций самоорганизации выделяется два принципиально различающихся вида систем (и, соответственно, два диаметрально противоположных типа траекторий развития): открытые и закрытые. Открытой называют экономику, осуществляющую ввод и вывод вещества, энергии и информации в среду. Закрытой называют экономику, в которую не поступает и из которой не выделяется в среду вещество, энергия или информация. Естественно, речь может идти лишь о степени открытости/закрытости экономики, поскольку при абсолютной открытости она утеряла бы свою целостность; а абсолютная закрытость экономики – нонсенс, ибо в этом случае экономика должна быть закрыта и по отношению к природной среде, что сделало бы невозможным само существование хозяйства. Таким образом, экономика может быть открытой в одном отношении и закрытой в другом и наоборот, а выделение открытых и закрытых экономических систем может быть основано лишь на открытости или закрытости по отношению к большинству типов сред. Поэтому в отношении экономических систем термин "закрытый" может применяться лишь условно, с чем и связано его употребление в кавычках.

Экономика СССР с конца 20-х – начала 30-х гг. и до времен "перестройки" была закрытой по отношению ко многим средам системой, что и определило ее природу, особенности ее структуры и функционирования. Другими примерами "закрытых" социальных систем могут послужить Япония до революции Мэйдзи (за исключением нескольких отрезков времени, в течение которых она была относительно открытой), фашистские Германия, Италия, Япония; Кампучия и Вьетнам (с середины 70-х гг. XX века); а также восточные деспотии.

Главной отличительной чертой "закрытой" экономики является стремление к **автаркии**, которая, собственно говоря, и делает экономику "закрытой". В России эта тенденция наметилась еще в 20-е годы. Так, с 1913 по 1928 г. ее экспорт снизился с 1506 до 796 млн золотых рублей, а импорт – с 1375 до 953 млн золотых руб.; затем они незначительно выросли, а с 1931 г. обороты внешней торговли устойчиво падали, достигнув в 1939 г. своего минимума: экспорт – 133, а импорт – 214 млн золотых руб. [1]. Таким образом, с 1913 по 1939 гг. экспорт уменьшился в 11,3 раза, а импорт – в 6,4 раза.

Именно стремление к автаркии вызывает к жизни большинство процессов, свойственных "замкнутой" экономике, включая процессы, характерные для микроуровня. Стремление к автаркии характерно для всех сторон жизни общества: экономической, научно-технической, идеологической, политической, культурной.

Со стремлением к автаркии непосредственно связана **агрессивность внутренней и внешней политики** закрытого общества, т.к. стремление к первой

раньше или позже приводит общество к войне с внешним и/или внутренним врагом в силу невозможности получения необходимых ресурсов цивилизованным образом. При этом имеются ввиду доступные, а не потенциальные ресурсы. Это позволяет не согласиться с мнением Л. Мизеса [2], который считал, что СССР не мог пожаловаться на бедность ресурсами и этим оправдать свою агрессивность, поскольку в период формирования траектории закрытости (конец 20-х – начало 30-х гг.) СССР был сельскохозяйственной страной; индустриализация, необходимая стране для осуществления автаркии, требовала значительных средств; для превращения природных ресурсов в источник средств для индустриализации были необходимы техника, технология, высококвалифицированная рабочая сила, которых СССР не имел. С другой стороны, представляется плодотворной идея А. Тойнби, заключающаяся в том, что на стадии, близкой к упадку, агрессия является способом отдаления момента разрушения [3]. Эта мысль получает логическое обоснование при помощи концепций самоорганизации, согласно которым в закрытой системе нарастает хаос, приближающий ее неизбежное разрушение, предотвратить которое может только превращение экономики в открытую систему. Война же на некоторое время позволяет стране стать открытой и произвести отток энтропии в среду и этим повысить свою жизнеспособность. В этом и заключается истинная, глубинная причина войн, ведущихся "закрытыми" социальными системами.

Став в результате стремления к автаркии "закрытой", экономика теряет возможности самоорганизации, доступные открытой системе, и становится организуемой внешней по отношению к экономике силой – **государством**. Последнее замещает собой все экономические субъекты, в результате чего все связи и отношения в "закрытой" экономике становятся огосударствленными. Вместо сложной системы прямых и обратных связей между уровнями экономики складывается система лишь с прямыми связями, а вместо сложной системы отношений по их поводу формируется система только с отношениями господства и подчинения. Так "закрытая" экономика становится упрощенной.

В "закрытой" экономике искажены отношения между системой в целом и ее компонентами. Социализм, который классикам марксизма виделся как ассоциация свободных производителей, превратился в свою противоположность. Государством были фактически разрушены компоненты экономики как самостоятельное целое, они стали выступать носителями интересов государственной бюрократии. Это привело к трансформации функций компонентов национальной экономики: вместо удовлетворения потребностей населения они стали ориентироваться на удовлетворение потребностей вышестоящих уровней. Произошла подмена функции целью.

Государство в "закрытой" экономике пытается достичь оптимума системы за счет подсистем, подрывая, таким образом, основы своего благосостояния. Региональная политика "закрытой" системы основывается на нивелировании социально-экономических различий и выравнивании уровней их развития [4]. Именно это вызвало в СССР перекачку средств в слаборазвитые регионы.

Следствием попытки достичь макроэкономического оптимума за счет подсистем является **бюрократизм**. Бюрократия в любой "закрытой" экономике является единственным реальным собственником – ведь именно ею реализуется большая часть прав из "пучка" прав собственности (и, следовательно, создается еще один канал подмены целью функции системы). Таким образом, в закрытых социальных системах преобладает административный тип связи между субъектами. Борьба с бюрократизмом (а, тем более, с бюрократией) в "закрытом" обществе является бесперспективной, т.к. он является лишь отражением свойств самого общества.

При переходе на траекторию закрытости государство налаживает организующие воздействия на нижележащие уровни (поскольку самоорганизация подсистем в закрытых системах невозможна, а в частично закрытых социальных системах сильно затруднена), а это требует огосударствления собственности. Последнее возможно в условиях как государственной, так и частной форм собственности. Например, в СССР, Китае, Вьетнаме, Кампучии, Северной Корее, восточных деспотиях собственность была преимущественно государственной, а в фашистских Германии, Италии и Японии – частной. Однако в последнем случае собственники могли распоряжаться своим имуществом лишь с ограничениями: государство ограничивало прибыль; вмешивалось в подбор кадров; собственники были сведены до положения руководителей государственных предприятий и должны были безоговорочно выполнять распоряжения государственных органов; свобода ценообразования отсутствовала; государство само устанавливало процентную ставку, величину заработной платы, объем производства и его методы [5]. "Перекрытие" пределов способности государственных органов контролировать использование собственности объясняет многие негативные эффекты закрытой экономики (бесхозяйственность, перелив капитала в теневую экономику, расхищение государственного имущества и т.д.).

Одной из главных черт "закрытого" общества является **тоталитаризм**, который возникает как следствие стремления к автаркии и огосударствления экономики. Возникнув в одной сфере, тоталитаризм неизбежно порождает аналогичные тенденции и в других сферах.

Тотальное вмешательство государства обусловливает **монополистический характер закрытой экономики**. Тоталитаризм неотделим от монополии, а монополия может быть полной только при условии, что монополистом выступает государство [6]. Так монополия и тоталитаризм обусловливают и усиливают друг друга. Тем не менее, было бы ошибочным считать, что именно монополия лежит в основе то-

талитарных тенденций, как считал В. Ойкен. Он полагал, что отсутствие равновесия в борьбе монополий между собой дал государству возможность вмешиваться в экономические процессы путем централизации управления [5]. Но, во-первых, "закрытое" общество не ограничивается в своей сущности лишь политикой или централизованным характером управления, а охватывает все области экономической и общественной жизни. Во-вторых, даже то, что формированию некоторых "централизованно управляемых экономик" в XX веке (а именно их исследовал В. Ойкен) предшествовал высокий уровень монополизации (например, это было характерно для Германии, Италии, Японии) не является доказательством его правоты, поскольку "после – не значит вследствие", а также потому, что история, включая историю XX века, знает как примеры "централизованно управляемых экономик", возникших в странах с относительно низким уровнем монополизации (Россия), так и примеры стран с высоким уровнем монополизации, которые не стали централизованно управляемыми. В-третьих, монополии в открытой (по терминологии В. Ойкена, в рыночном хозяйстве) и "закрытой" экономике имеют существенные различия, не позволяющие выводить один тип монополии из другого. Последнее заблуждение характерно не только для В. Ойкена, но и для классиков марксизма, полагавших, что рост степени обобществления производства и капитала приведет к единой государственной и даже интернациональной монополии, в условиях которой будет возможным построение коммунизма.

Последние два пункта представляют наибольший интерес для исследования природы "закрытой" экономики. Чем можно объяснить тот факт, что формированию экономик закрытого типа, в частности, в Германии, Японии, Италии предшествовал высокий уровень монополизации? По нашему мнению, монополии первой трети XX века способствовали повышению устойчивости национальных экономик, подавляя силой своей власти на рынке возникающие флуктуации. Но монополия неизбежно порождает постоянное воспроизводство дефицита. Благодаря этому национальная экономика с каждым годом все больше и больше удаляется от гипотетического состояния равновесия. Таким образом, монополия сама становится силой, порождающей флуктуации. Когда это удаление от равновесия достигает критических значений, наступает точка бифуркации, сопровождающаяся хаосом, за которой следует формирование порядка, но другого типа – экономика переходит на другую траекторию развития, и она становится либо открытой системой (выбирающей из множества ветвей), либо закрытой. Кризис и депрессия 1929–1933 гг., возможно, продолжались так долго именно благодаря монополизации экономики: при снижении спроса монополия скорее уничтожит товар (что и имело место в этот период в массовых масштабах) чем снизит на него цену. Это, а также большая финансовая устойчивость монополий, позволяющие существовать в подобном положении гораздо дольше, затянули кризис и депрессию. Таким образом, монополистическая экономика может породить, и действительно породила экономические системы совершенно разных типов, включая и закрытые.

Отличие монополий в "закрытой" экономике от монополий открытой экономики, упоминаемое выше, состоит в следующем: в качестве монополий выступают государственные образования (министерства и ведомства); монополии лишены какой бы то ни было конкуренции, даже потенциальной, включая иностранную конкуренцию, т.е. имеет место полная монополия; высокая степень эксплуатации совокупного работника.

Помимо различий, у монополий открытой и "закрытой" экономик имеется и значительное сходство: отсутствуют стимулы к снижению издержек производства, в результате чего прибыль присваивается за счет внешнего источника; ограничение выбора потребителей; лимитирующий фактор лежит на стороне предложения; отсутствуют стимулы для нововведений.

Согласно выводам концепций самоорганизации, для закрытых систем характерно равновесное состояние. Усилиями государства "закрытая" экономика приходит в состояние, близкое равновесному. Казалось бы, наличие дефицита, характерного для закрытой экономики, не позволяет утверждать, что она равновесна. Действительно, состояние дефицита доказывает, что частичного равновесия на отдельных товарных рынках не наблюдается. Но наличие частичного равновесия не является необходимым условием для установления общего равновесия. С другой стороны, "закрытая" экономика обладает рядом черт (замкнутость, отсутствие стимулов к нововведениям, кредита, предпринимательства, во многом – статичность), которые позволяют сделать вывод о том, что она находится в состоянии общего равновесия (по Й. Шумпетеру) или приближается к нему.

Равновесие характеризуется равенством макроскопических параметров компонентов системы, что достигается за счет директивного планирования.

Закрытые системы могут существовать достаточно долго. Например, восточные деспотии сохраняли статус кво в течение столетий. Но постепенно в них нарастает энтропия, поскольку они не имеют возможности выводить энтропию в среду и получать из нее негэнтропийные воздействия, подобно открытым системам. В результате они обречены на разрушение. Действительно, ни одно из известных истории "закрытых" обществ не сохранилась. Большинство из них (например, майя, хатусы, вавилоняне, египтяне и т.д.) погибло (сообщение председателя Российского археологического общества Матюшина, 1997 г.), а их народы либо исчезли с лица Земли, либо сформировали новое, открытое общество. Неизбежность краха закрытых систем вообще и "закрытых социально-экономических систем, в част-

ности, не означает, что они защищены от повторения этого урока. Наоборот, наличие "опыта" закрытости увеличивает вероятность его повторения в будущем. То, что Россия, пройдя через горнило тоталитаризма, не изжила его предпосылок, делает возможным возврат в ее недалекое прошлое, что может произойти в районе точки бифуркации, которая может прийтись на промежуток 2010–2020 гг.

Точки бифуркации экономики приходятся, по нашему мнению, на периоды перехода от одного большого цикла Н.Д. Кондратьева к другому, которые совпадают с сильнейшими и глубочайшими экономическими кризисами, разражающимися, в силу синхронизации национальных экономик, почти одновременно. Наличие связей точек бифуркации с циклами Н.Д. Кондратьева подтверждается тем, что, во-первых, периоды, отделяющие смежные точки, примерно равны сорока годам, т.е. одному циклу Н.Д. Кондратьева. Во-вторых, точки бифуркации в XX веке действительно совпали с периодами перехода от одного большого цикла к другому. И, в-третьих, большинство тоталитарных систем XX века возникло в периоды перехода от одного кондратьевского цикла к другому. Именно в этих периодах берут начало тоталитарные тенденции в Германии (1933 г.), Италии, Японии (30-е годы), СССР (конец 20-х – начало 30-х гг.), Кампучии (1975 г.), Вьетнаме (1976 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. – М.: Евразия, 1997. – 215 с.
2. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: Пер. с англ. – М.: Дело, 1993. – 240 с.
3. Тойнби А. Постижение истории: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
4. Личный фактор производства в рыночной экономике / Под ред. А.П. Бычкова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 154 с.
5. Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1995. – 496 с.
6. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. – М.: Наука, 1991. – 567 с. – (Серия "Социологическое наследие").

УДК 332